

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
С17

Иллюстрация на обложку *Анны Гайворонской*
Дизайн обложки *Екатерины Фerez*

Самарский, Михаил.

С17 **Радуга для друга** : повесть / Михаил Самарский. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 256 с. — (Радуга для друга).

ISBN 978-5-17-121925-3

Сашка потерял зрение в автокатастрофе. Теперь мир для него лишён красок и света, а сам он не может радоваться жизни: больше не поиграешь в футбол с друзьями, не пойдёшь на занятия в родную школу, не увидишь лица родных... Когда перед глазами лишь тёмное пятно, таким же тёмным кажется и будущее...

Но однажды на помощь мальчику приходит лабрадор по кличке Трисон из школы собак-поводырей. Вместе с ним Сашка учится жить заново, и вскоре на его лице опять появляется улыбка. И всё бы ничего, но однажды Трисона... похищают. Верный пёс сделает всё возможное, чтобы вернуться к своему подопечному, ведь сейчас он нужен ему больше всего на свете!

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-121925-3

© Михаил Самарский, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Читайте в серии «Радуга для друга»:

«На качелях между холмами»

«Двенадцать прикосновений к горизонту»

«#любовь, или Невыдуманная история»

О приключениях лабрадора Трисона:

«Фукусима, или История собачьей дружбы»

«Остров везения»

«Тришка на Севере»

«Морские приключения Трисона»

«Приключения Трисона в Альпах»

О приключениях кота Сократа:

«Невероятные приключения кота Сократа»

«Подлинный Сократ»

«Кот Сократ выходит на орбиту.
Записки котонавта»

Лучшее, что есть у человека, — это собака.

Т. Шарле

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДОРОГА К ДОМУ

Глава 1

Как собак нерезаных... Очень остроумное выражение. Ни сесть ни встать. Ай да молодцы. Ай да люди. Интересно, что бы вы сказали, введи мы в свою собачью речь подобный фразеологизм, но вывернутый наизнанку? Вот представьте такую ситуацию: приезжаю я домой с выставки, а соседский пёс у меня спрашивает: «Как успехи, дорогой? Много было собак?» А я ему отвечаю: «Да как людей нестреляных...» Вроде бы и не стреляных, а сердце холодеет. Ну и как вам выраженьице? Не думаю, что кому-то понравится. Вот так же и нам, дорогие наши двуногие друзья. Как тут не согласишься, что собака — это наглядный пример человеческой неблагодарности? Да ладно уж, я в общем-то о другом. Смотрите, что происходит: хватают меня за уши, треплют за шею, тыкают пальцами в морду... Можно я буду говорить «лицо»? Ну так вот, тыкают в лицо всякой гадостью... Впрочем, не буду кривить душой. Не гадостью, далеко не

гадостью! Иногда такой вкуснятиной, что слюной можно поперхнуться.

Однажды я чуть было не сорвался. Стоим ещё с моим первым подопечным, Иваном Савельевичем (царство ему небесное), перед пешеходным переходом, ждём, когда загорится зелёный свет. Моя задача: проследить, чтобы все машины остановились. Да не просто остановились, а в положенном месте. Вы думаете, зря для вас, людей, рисуют полосы перед светофором? Пользуясь случаем, прошу вас: товарищи водители, не заезжайте за эту стоплинию. Зрячему человеку проще: он обогнул капот автомобиля, если тот всё-таки заехал, и пошёл дальше. А мой подопечный не сразу понимает, чего я от него хочу в такие моменты: вроде пошли по переходу, а тут поводырь отклонился от курса. Понимаете? Сказать-то я не могу, начинаю скулить, тянуть поводок, даже иногда гавкнуть приходится. Подопечный теряется, останавливается, пытаюсь сообразить, что это я такое вытворяю, тросточкой стук-стук-стук. Некоторые водители едва через окно не выскакивают, орут: «Машину поцарапаешь, гад!» Какой же он гад? Ему же нужно как-то определить, какой предмет перед ним. Тут рукой не пощупаешь — можно и без руки остаться.

В общем, пока разберётся, светофор уже моргает, машины начинают порёвывать (к старту готовятся). Когда нетерпеливые водители давят на газ, это ещё полбеды. А есть такие идиоты, что ещё и сигналить начинают, дескать, давай-давай, слепошарый,

проходи скорее. Или мне свистят и чмокают, типа подбадривают. Если бы вы знали, люди, как я в такие моменты вас недолюбиваю. Иногда смотришь на вас и думаешь: да как же вам не стыдно-то? Ведь такая беда может со всяким случиться. Неужели, выиграв пару секунд на этом проклятом светофоре, вы получите удовольствие? Очень вас прошу, люди: увидев слепого с поводырём (ну, с таким, как я), ведите себя как можно спокойнее и тише, не отвлекайте нас, не доводите до беды. Договорились?

Ну так вот, стоим перед зеброй, и тут я правой ноздрёй чую умопомрачительный запах. Знакомый до боли в желудке — я уже слышал его, когда проходили мимо киоска с надписью: «Куры гриль. Шаурма». Стараясь не отвлекаться от дороги, кошу глазом и вижу смачный кусок курочки, поджаристый, золотистый, ароматный... До сих пор не знаю, как я в тот момент сдержался и не схватил этот деликатес. Всё-таки школа для собак многое значит.

Спасибо, конечно, вам за добро, за ласку, за желание угостить, но, люди, я же на работе! Понимаете? Я не та изнеженная болонка или пуделёк, которые беззаботно гуляют со своими хозяевами, от скуки побрызгивая на столбики. Серьёзно говорю: я работаю, а не просто иду со слепым человеком. И поверьте, это не так уж и легко. Моя задача — довести подопечного туда, куда ему нужно, и чтобы во время пути он не разбил себе голову, не споткнулся, не упал, не промочил в луже ноги,

в конце концов! Я обязан предупредить его обо всех преградах, должен успеть остановиться перед любым препятствием и дать возможность человеку проверить тростью, что перед ним. Если преграда перекрывает часть дороги, я отклоняюсь вправо или влево и обвожу подопечного, при этом наблюдаю, чтобы он не прошёл под низко склонившимися ветками или ещё какой другой штуковиной на уровне его роста, не столкнулся с другими людьми. Если мы передвигаемся на автобусе или трамвае, я указываю на вход, а потом — на выход. В общем, забот хватает.

Вы хоть представляете, что это такое — работать поводырём? Если скажете «да», не обижайтесь, я укушу вас. Не надо быть таким самонадеянным и скоропалительным. Чтобы представить и понять мою работу, нужно самому со шлейкой на спине пару лет походить за этими беспомощными «хозяевами». Вы заметили, что слово «хозяева» я беру в кавычки?

Да, некоторые считают себя нашими хозяевами, хотя сами без нас и шага не могут ступить. Вот захочу я (между прочим, породистый лабрадор, даже, говорят, родственник собаки одного известного политика), чтобы мой так называемый хозяин расшиб лоб о стену или, допустим, врезался в какой-нибудь столб, да мне это как на куст... пос-с-смотреть. Но я же профи, меня в специальной школе обучали два года, а это по вашему примерно лет десять. Вы за это время успеваете два высших об-

разования получить. Конечно, я не позволю себе такой гнусности — подставить подопечного. Моя задача: уберечь его от всех этих недоразумений. Но обидно, когда говорят «твой хозяин». Те, кого я сопровождаю, не хозяева мне. Это мои друзья. И поверьте, даже из вас, людей, у них никогда не будет друга преданнее и надёжнее, чем я. Вы можете скривиться, усмехнуться, закатить глаза, даже пнуть меня ботинком, но от этого ничего не изменится. Вы сами придумали поговорку: «Хорошо, когда собака — друг человека, но плохо, когда друг — собака». Придумали, но не подумали, хотя бог наградил вас разумом и способностью размышлять. Что же плохого в том, что ваш друг собака? Да ладно... Я же понимаю, что вы имели в виду. Потому и не обижаюсь.

В общем, если вам интересна эта история, я продолжу.

Мне уже пять лет. По человеческим меркам я в два раза старше своего подопечного (Сашке сейчас тринадцать). А раньше я работал у слепого пенсионера. Иван Савельевич был замечательным человеком и моим другом. Иногда он даже разрешал мне на своей кровати поваляться. Придём домой, Иван Савельевич снимет с меня все эти поводырьские прибабасы, покормит, расчешет и говорит:

— Давай, Трисон, расслабляйся.

Вы думаете, мне легко ходить со шлейкой? Вечером, когда я от неё избавляюсь, так хочется на спинке поваляться, лапы задрать к потолку,

вытянуться во весь рост, потом попрыгать, мячик погонять. Иван Савельевич никогда меня не ругал, даже в тот злополучный вечер, когда я разбил вазу. Понимал старик, что не нарочно. Мне было стыдно. Прижался к его ноге и потихонечку скулил. Иван Савельевич погладил меня и сказал:

— Не плачь, Трисон, бог с ней, с этой посудинной. Посуда бьётся — жди удач.

Я до сих пор так и не понял, какая удача может быть от разбитой вазы? Не слышал, чтобы по телевизору об этом рассказывали. В общем, умер мой Иван Савельевич. А меня вернули в школу. Как я по нему скучал. Кусок в горло не лез. Всё думал, кому же меня теперь отдадут...

Не знаю, какими судьбами, но как-то в нашу школу приехал Сашка, нынешний мой хоз... подопечный.

Если вы зрячий и никогда не сталкивались с проблемами слепых людей, то поясню специально для вас. Прежде чем нас (собак-поводырей) передать новому хо... (тьфу, чёрт, надо же, как внушили своими дрессировками) подопечному, мы должны провести какое-то время вместе. То есть привыкнуть друг к дружке, принюхаться, приглядеться. Хотя кто будет ко мне приглядываться, если они все слепые? Это я должен делать. А они только прислушиваются, принюхиваются, ну и ещё прищупываются. На всякий случай, чтобы аллергии не было какой-нибудь или другой какой гадости. У людей много всяких заскоков. Это мы неприхотливые.

Хотя случается, что и мы тоже взбрыкиваем. Да-да. Наша овчарка Лада из седьмого вольера так и не смогла найти общий язык со своей новой подопечной. Женщина вернула Ладу обратно в школу. Кстати, отличная школа поводырей. Так что, если понадобится, обращайтесь. Меня, конечно, там уже нет, но мои друзья и подруги вас, поверьте, не подведут. Знаете, как нас там проверяют? Ого-го! Тесты всякие, испытания...

Иными словами, кого попало туда не берут. Мы — студенты этого университета — все обладаем уравновешенной психикой, не отвлекаемся (во всяком случае, стараемся изо всех сил) на шум, совершенно не замечаем этих отвратительных котов и кошек. Нет, замечаем, конечно (как можно не заметить?), но внимания не обращаем. Опять неправильно. Мы не имеем права на них реагировать, чем эти зеленоглазые негодяи часто пользуются. Серьёзно.

Вот вам недавний случай. Завожу я своего Сашку в подъезд (там много ступенек, и нужно быть крайне осторожным), а в этот момент из двери выходит краля персидских кровей (или шерстей, кому как угодно), вся такая пафосная, с идиотским розовым бантом на шее, коготочки пострижены, хвостик надушен, ушки словно маленькие локаторы (верть-верть в разные стороны). Вот клянусь вам собачьей честью, у меня и в мыслях не было на неё рычать, тем более гавкать. А эта белобрысая дура как фыркнет, как хвост свой распушит, как

спину выгнет, и — хрясь! — меня лапой по мор... по лицу. Если бы вы знали, как мне было обидно! Да если бы не Шурик, мой профессионализм и не моя ответственность, я бы этой истеричке одним щелчком хвост перекусил. Честное слово, от обиды чуть не заплакал. Даже немного заскулил — эта доморощенная «баронесса», несмотря на остриженные когти, всё-таки умудрилась поцарапать мне нос. Слизнул я солоноватую каплю крови и повёл Саню домой. А что делать? Нельзя мне на этих дурочек отвлекаться...

Сашка до моего прихода жил с мамой и бабушкой. Папа у них погиб в автокатастрофе. Оказывается, в тот роковой день вместе с ним ехал и Шурик. Ему тогда было одиннадцать лет. Врачи вынесли приговор: радужка и хрусталик безвозвратно потеряны. Я мало чего понимаю во всех этих тонкостях, но после трагедии парень перестал видеть. В семье поговаривают, что есть какой-то знаменитый доктор, который может вернуть Сашке зрение, но, когда это произойдёт, никому не известно. А пока что я его и доктор, и глаза, и друг.